

DOI 10.35775/PSI.2025.128.11.032

УДК 32.327

А.М. РАШЕВСКИЙ

преподаватель кафедры права
«Ассоциации победителей олимпиад»,
Россия, г. Москва
E-mail: Apophis1271@gmail.com

«БОЛЬШАЯ ИГРА» КАК МОДЕЛЬ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ

Метафора «Большой игры», изначально применявшаяся для описания англо-русского соперничества XIX – начала XX вв., активно реинтерпретируется в современной политологической и публицистической литературе касательно отношений России и коллективного Запада после окончания «холодной войны». Однако ее потенциал остается ограниченным из-за отсутствия четких параметров использования и размытости географических и тематических границ. В статье предлагается ремоделирование метафоры: формализуется набор характеристик «Новой Большой игры» как многосоставного гибридного противостояния, уточняются ее ключевые факторы (геополитический, идеологический, экономический), а также проводится сравнительно-исторический анализ перехода от классической к современной конфигурации феномена. Показано, что «Большая игра» как модель актуальна при соблюдении трех условий: ясного разграничения уровней взаимодействия, признания многоакторности и сетевого характера взаимодействий, явного учета гибридной природы конфликтов.

Ключевые слова: Большая игра, Новая Большая игра, геополитика, гибридные конфликты, идеология, геоэкономика, Центральная Азия, Черноморье, Восточная Европа.

Границы применимости термина «Большая игра». Термин «Большая игра» – одно из наиболее устойчивых понятий, описывающих историческое соперничество великих держав. Понятие получило вторую жизнь после распада СССР, когда исследователи и медиа стали интерпретировать разнообразные эпизоды конфронтации между Россией и Западом через призму т.н. «Новой Большой игры». Однако широкое употребление метафоры нередко подменяет анализ пустой риторикой, размывая критерии применимости термина.

Несмотря на обширную литературу о классической «Большой игре» [11; 20] и современные работы по геополитике, региональным системам безопасности и геоэкономике [8; 9; 13; 16. Р. 17-23; 17. Р. 421-437; 19; 21], отсутствует согласованная модель, описывающая, когда и как метафора может корректно применяться к отношениям России и Запада после «холодной войны». В большинстве случаев отечественные авторы либо прибегают к метафоре без ее операционализации [2. С. 16-26], либо же рассматривают системы региональной безопасности без обращения к рассматриваемому нами феномену [1. С. 9-19; 6. С. 6-27]. Иными

словами, зачастую указание на «Большую игру» остается ритуальным и не несет содержательной нагрузки.

Цель данной статьи – превратить метафору «Большая игра» в аналитическую модель. Для этого, как нам видится, следует ответить на вопросы: каковы географические границы и тематические рамки «Новой Большой игры»; какие факторы определяют динамику соперничества; как соотносятся «горячие» фазы и преобладание не прямых инструментов; какие индикаторы позволяют оценить эскалацию/деэскалацию.

В данной работе автор не преследует цели сфокусироваться на разделительной линии между «Большой игрой» и ее новым проявлением. В качестве отправной точки моделирования избран подход, что «Новая Большая игра» есть реинтерпретация актуальной в первую очередь для XIX в. метафоры, а не нечто принципиально новое, в силу чего изучение дискурса «старой» «Большой игры» сохраняет свою релевантность.

Основу данного дискурса составляют исторические исследования англо-русского соперничества в Азии [11; 20], в которых «Большая игра» предстает как смесь разведывательных операций, дипломатии и военных экспедиций. Геополитическая теория Х.Д. Маккиндера [17] придала этому противостоянию структурное объяснение через «ось истории» – евразийский «Хартленд», в то время как А.Т. Мэхэн [18] противопоставил континентальной мощности логику морской силы.

Стремление подойти к «Большой игре» лишь с позиций геополитики роднит данный феномен с линией реалистов [8; 19; 23]: в таком случае возникающие конфликты объясняются столкновением сфер влияния и противоречиями в рамках концепции баланса сил.

Попытка посмотреть на «Большую игру» с позиций либеральной и неоинституциональной традиций [12; 13] акцентировала бы скорее взаимозависимость и внутреннюю сложность феномена, задействованные институты и т.н. «либеральный порядок». Наконец, актуальна может быть и вовсе оптика постколониальных исследований [22], обращающая внимание на дискурсивные практики (в контексте «Большой игры» – особенно на риторику «цивилизационной миссии») и асимметрию знания, которая, впрочем, не будет детально рассматриваться нами далее.

Актуализация «Большой игры» требует обращения и к более современному методологическому инструментарию. В этой связи интерес представляют концепции «мягкой силы» [21], региональных комплексов безопасности [9], а также геоэкономики как «логики конфликта, выраженной грамматикой торговли» [16]. Энергетическое измерение подобных гибридных конфликтов подробно анализируется в трудах профильных специалистов-энергетиков [24], а эволюция мировой расстановки сил – в исследованиях долговременных трендов [10; 14; 15]. Российский аналитический контекст представлен, в частности, работами Е.М. Примакова о многополярности [4] и Д.В. Тренина о постимперском позиционировании России [5].

Как можно заметить, широта метафоры обуславливает и потенциал объяснительных конструкций, которые можно задействовать для рассмотрения феномена. Де-факто все крупнейшие школы и подходы, связанные с интерпретацией политических явлений в международном контексте, могут внести свой вклад в раскрытие изучаемой нами проблематики. Из этого проистекает, вероятно, главная исследовательская проблема – не отсечение подходов, лишь частично использующих потенциал термина, но их синтез, не перетекающий при этом в одну бесконечную генерализацию.

Используя сравнительно-исторический подход и метод кейс-стади, попробуем сопоставить два слоя «Большой игры» – старый (классический) и новый. Несмотря на принципиально разные историко-конкретные условия, расстановка смысловых акцентов в двух итерациях феномена может позволить выявить, чем де-факто сходятся данные слои, а что является спецификой каждого из них.

Признавая размытость что пространственных, что временных границ [3. С. 152-169] каждого из феноменов, мы будем вынуждены взять их в максимально общем виде: первый период будет ограничен промежутком 1829-1907 гг. (с Адрианопольского мирного договора, вызвавшего ажиотаж среди британской общественности, вплоть до Петербургское соглашение 1907 г.); второй же мы отсчитываем с 1991 г., а продолжается он по настоящее время.

От метафоры к модели: актуализация «Большой игры». Историческая метафора «Большой игры» описывала англо-русское соперничество в евразийской периферии; современная литература перенесла ее в принципиально иной контекст. Для аналитического использования метафора должна быть избавлена от этой чрезмерной литературности и превращена в модель, включающую: (а) акторов (государства, коалиции, негосударственные посредники); (б) театры (прежде всего географические, но также и функциональные); (в) инструменты (дипломатические, информационные, военные, экономические); (г) правила игры (теоретически может быть предпринята попытка выявить, каким образом осуществляется эскалация напряженности в рамках «Большой игры»); (д) ключевые переменные (контроль над пространством, доступ к ресурсам/рынкам, изменение норм и институтов).

Историческая география феномена (Черноморье, Кавказ, Центральная Азия) дополняется сегодня «расширенной периферией», включающей Восточную Европу, Арктику, Ближний Восток как смежные театры, а также киберпространство и информационную сферу. В идеале модель должна включать ядро и периферию концепта для концентрации на наиболее значимых процессах, однако это не всегда возможно. Более того, в условиях «Новой Большой игры» все театры феномена являются своеобразными сообщающимися сосудами (см.: приложение № 1), а взаимосвязь между различными аспектами человеческой деятельности достигла небывалых высот, поэтому далеко не во всех случаях можно уверенно сказать, что процесс на условном театре № 1 не вызовет аналогичного (а иногда и противоположного) эффекта на театре № 2.

Приложение 1. Периодизация и театры «Большой игры»

Первый период: 1829-1907 гг. Конфигурация: классическая «Большая игра». **Ключевые театры:** Кавказ, Центральная Азия, Черноморье. **Преобладающие инструменты:** разведка, дипломатия, военные экспедиции, ограниченные кампании. **Примеры конфликтов/противостояний:** Кавказская война (1817-1864 гг.) и Восточный вопрос; Туркестанские походы; англо-афганские войны и Памирский кризис.

Второй период: 1991-2013 гг. Конфигурация: ранняя «Новая Большая игра». **Ключевые театры:** Постсоветское пространство, Каспий/энергокоридоры, Черноморье, Южный Кавказ. **Преобладающие инструменты:** интеграция/расширение институтов, энергетическая дипломатия, «мягкая сила», демонстрация военной силы, конфликт низкой интенсивности. **Примеры конфликтов/противостояний:** борьба за маршруты транспортировки каспийских энергоресурсов; «Цветные революции», Пятидневная война в Грузии (2008 г.).

Третий период: 2014-2021 гг. Конфигурация: эскалация напряженности. **Ключевые театры:** Восточная Европа, Ближний Восток, инфо-пространство. **Преобладающие инструменты:** применение санкционного инструментария, гибридные инструменты, ограниченное применение силы. **Примеры конфликтов/противостояний:** украинский кризис и присоединение Крыма (2014 г.); военная операция в Сирии (с 2015 г.).

Четвертый период: 2022 – н.в. Конфигурация: прямое противостояние. **Ключевые театры:** Украина/Черноморье. **Преобладающие инструменты:** широкомасштабные боевые действия, масштабирование применения санкционного инструментария. **Примеры конфликтов/противостояний:** Специальная военная операция (с февраля 2022 г.); санкции стран Запада в отношении России.

Источник: составлено автором.

Параметрами нашей модели могли бы стать такие пункты, как:

– **уровень конфликта:** уместно разделять локальный, региональный и глобальный. В случае «Новой Большой игры» допустим разговор о дополнительном уровне для киберпространства;

– **тип взаимодействия акторов:** это могут быть соперничество, ограниченное принуждение или же прокси-конфликт;

– **инструментарий:** на сегодняшний день к классическим военному, дипломатическому и экономическому инструментариям уместно добавить информационный. В качестве подвидов экономического можно выделять санкционный, транспортно-логистический и энергетический;

– **риск прямого столкновения:** по нашему мнению, допустима дифференциация на низкий, средний и высокий уровень рисков. При дальнейшей разработке модели данные уровни могут быть конкретизированы с выделением промежуточных категорий;

– **индикаторы исхода фазы конфликта:** изменение статус-кво, перераспределение доступа к экономическим благам, ресурсам, рынкам, а также институциональные и геополитические сдвиги.

Суммарно данная модель выглядела бы следующим образом (см.: приложение № 2).

Приложение 2. Структурные параметры модели гибридного противостояния

Уровень конфликта:

- **Локальный:** противостояние в границах одного государства.
- **Региональный:** вовлечение нескольких стран одного географического или политического региона.
- **Глобальный:** противостояние затрагивает ключевые мировые процессы, институты и баланс сил.
- **Киберпространство:** виртуальный уровень, не ограниченный географией, но способный оказывать влияние на все остальные.

Тип взаимодействия акторов:

- **Соперничество:** системная конкуренция в дипломатической, экономической и военной сферах без прямого применения силы.
- **Ограниченное принуждение:** точечное использование силовых инструментов (удары, санкции) для достижения конкретных целей без перехода к тотальной войне.
- **Прокси-конфликт:** противостояние через поддержку противоборствующих сторон в войне третьих стран.

Инструментарий:

- **Военный:** прямое боевое столкновение, демонстрация силы, военные учения, поставки вооружений.
- **Дипломатический:** создание и расширение альянсов, работа в международных организациях, политическое давление.
- **Экономический:**
 - **Санкционный:** целевые ограничения против стран, компаний, секторов экономики.
 - **Энергетический:** контроль над ресурсами и маршрутами их транспортировки.
 - **Транспортно-логистический:** блокады, ограничения судоходства, контроль над цепями поставок.
- **Информационный:** стратегические коммуникации, пропаганда, дезинформация, кибератаки.

Риск прямого столкновения:

- **Низкий:** стороны избегают прямого конфликта, действуя через посредников или не прямые методы.
- **Средний:** периодические инциденты и обострения создают потенциальный повод для эскалации.
- **Высокий:** регулярные прямые контакты вооруженных сил или целенаправленные действия, ведущие к «пороховой бочке».

Индикаторы исхода фазы конфликта:

- **Изменение статус-кво:** сдвиг границ, смена политического режима, изменение конфигурации сил «на земле».
- **Перераспределение доступа к экономическим благам:** изменение контроля над ресурсами, рынками сбыта, логистическими коридорами.
- **Институциональные и геополитические сдвиги:** создание или распад альянсов, изменение роли международных организаций, смена векторов внешней политики ключевых стран.

Источник: составлено автором.

В качестве примера применения подобной модели рассмотрим текущие события, связанные с украинским кризисом, и уточним корректность использования выдвинутых нами параметров. Анализ специальной военной операции будет ограничен хронологическими рамками с февраля 2022 г. по настоящее время, т.е. не будет включать в себя процессы, непосредственно приведшие к реалиям 2020-х гг.

1. Уровень конфликта: региональный (Восточная Европа), но с немедленными **глобальными** последствиями для системы безопасности, экономики и международных отношений.

2. Тип взаимодействия акторов: Переход от **прокси-конфликта** (поддержка ДНР/ЛНР с 2014 г.) и **ограниченного принуждения** (сосредоточение войск на границе, военные учения) к **прямому военному столкновению** между армиями России и Украины.

3. Инструментарий:

- **Военный:** ведение военных действий силами регулярных ВС сторон.
- **Дипломатический:** использование дипломатии и привлечения акторов международных отношений на свою сторону (обращение к Совету Безопасности ООН, признание независимости ДНР/ЛНР, обсуждение украинского вопроса на различных переговорных площадках, включая международные межправительственные организации, параорганизации и т.д.).
- **Экономический:**
- **Санкционный:** введение коллективным Западом беспрецедентных односторонних ограничительных мер в отношении России.
- **Энергетический:** угроза использования энергетических ресурсов как инструмента давления.
- **Информационный:** полномасштабные информационные кампании как со стороны России, так и со стороны коллективного Запада по продвижению актуальных для каждой из сторон нарративов.

4. Риск прямого столкновения: крайне высокий. События, предшествующие специальной военной операции, вели к полномасштабной войне, что де-факто и произошло. Риск столкновения России и государств-членов Североатлантического альянса также многократно возрос.

5. Индикаторы исхода фазы:

- **Изменение статус-кво:** кардинальное изменение довоенного статус-кво (до 24.02.2022), в т.ч. с точки зрения фактических границ противоборствующих сторон.

- **Институциональные и геополитические сдвиги:** консолидация НАТО, вступление Финляндии и Швеции в альянс, окончательное превращение Украины в проевропейское государство с потенциальной перспективой членства в ЕС. Глобальная перестройка всей архитектуры международной безопасности.

Предложенная модель демонстрирует свою аналитическую ценность, адекватно описывая украинский кризис как комплексный гибридный конфликт. Анализ подтверждает, что противостояние носит многоуровневый характер, сочетая прямое военное столкновение на региональном уровне с глобальным применением всего спектра непрямых инструментов – от санкций до информационной войны. Ключевым индикатором исхода текущей фазы стали фундаментальные геополитические сдвиги, выразившиеся в консолидации и расширении НАТО. Таким образом, конфликт не только изменил статус-кво в Восточной Европе, но и стал катализатором структурной перестройки всей системы международной безопасности, что соответствует параметрам «Новой Большой игры».

Для работы с моделью стоит в целом представлять, какие факторы (см.: приложение № 3), как правило, провоцируют изменение статус-кво. К примеру, на стыке сфер интересов геополитический фактор становится определяющим. Исторические теории «опорного пространства» Х.Д. Маккиндера [17] и «морской силы» А.Т. Мэхэна [18] дополняются современной логикой региональных комплексов безопасности [9], где изменения в ключевой зоне (например, Восточная Европа/Черноморье) находят свое отражение на других региональных направлениях. Критически важно учитывать наиболее распространенные связки: перемены в Черноморье влияют на Кавказ и Восточное Средиземноморье; Арктика и Северная Атлантика неизбежно воздействуют на логистическую ситуацию; Центральная Азия – на транспортные и энергетические коридоры.

Аналогичным образом ключевым фактором может выступать и идеология, которая здесь не сводится к «пропаганде», но задает рамки интерпретации норм (суверенитет/интервенция, расширение/безопасность, либеральный порядок/многополярность), определяя базовый уровень доверия, необходимый для управления рисками. Конкурирующие нарративы – от «либерального интернационализма» [12] до «суверенной многополярности» [4] – формируют различное понимание легитимных средств и целей, что повышает вероятность ошибок восприятия и делает институциональные гарантии хрупкими. Таким образом, идеологические разногласия существенно усложняют взаимодействие акторов, порождая кризис доверия между ними.

В свою очередь, экономический фактор во многих случаях в современном мире выражается в геоэкономической логике, которая лишь усиливается в условиях взаимозависимости [13]. Контроль над цепочками поставок, технологические ограничения, рыночные стандарты и санкционные режимы становятся ключевыми инструментами принуждения. В регионах периферии это порождает

конкуренцию за рынки сбыта и возможность реализации инфраструктурных проектов (энергетические коридоры Каспия; альтернативные маршруты поставок), иногда приобретающую черты неокOLONиальных практик – через долговую нагрузку, зависимость от стандартов, «запирание» на поставщика/покупателя, что подрывает суверенитет государства и лишает его возможности диверсифицировать поставки необходимых ресурсов [16; 24].

Приложение 3. Структурные факторы международной конфронтации

Геополитический фактор. Механизмы: расширение/сужение зон влияния; военное присутствие; союзные обязательства. **Типичные индикаторы:** военная инфраструктура; военные учения; режимы проливов/коридоров. **Ожидаемые эффекты:** сдвиг баланса сил.

Идеологический фактор. Механизмы: конкурирующие нормы и нарративы; легитимирующие рамки. **Типичные индикаторы:** доктринальные документы; медийная риторика; историческая политика и политика памяти. **Ожидаемые эффекты:** укрепление/эрозия доверия.

Экономический фактор. Механизмы: санкции/контрсанкции; стандартизация; контроль технологий/финансов. **Типичные индикаторы:** объемы торговли; доля критических технологий; логистика; реконфигурация экономических связей. **Ожидаемые эффекты:** усиление экономической зависимости / импортозамещение и экономический суверенитет.

Источник: составлено автором.

Предложенная нами формализация привычной метафоры согласуется с реалистскими объяснениями соперничества за «буферные зоны» и ресурсы [19], но одновременно учитывает позицию либеральной школы о роли институтов и взаимозависимости [13]. Она также частично отвечает критике постколониальных подходов [22].

Главный риск метафоры – превращение в самосбывающееся пророчество, когда акторы начинают действовать исходя из неизбежности «игры с нулевой суммой». Поэтому предложенная модель подчеркивает вариативность инструментов и наличие коридоров деэскалации (в этом контексте особенно важны, как нам кажется, четко артикулированные «красные линии»). Наконец, многоакторный характер современной политической сцены – участие средних держав, транснациональных корпораций и региональных организаций – требует отойти от чисто бинарных описаний «Россия–Запад», не отказываясь при этом от анализа ядра соперничества.

Нам видится, что практическая значимость модели заключается в применимости в сценарном анализе, оценке рисков эскалации. В то же время признаем необходимость дальнейшего развития модели: в частности, на данном этапе ограничения связаны с теоретико-концептуальным характером исследования и отсутствием количественной валидации индикаторов, что может быть исправлено при помощи другого методологического инструментария, однако это делает модель менее доступной для восприятия. Тем не менее стоит подчеркнуть,

что в будущем возможны такие дополнения модели, как построение баз данных по событиям, влекущим за собой эскалацию напряженности, и односторонним ограничительным мерам; моделирование взаимозависимости разных географических и функциональных театров конфликта или же анализ роли средних держав и негосударственных акторов в сетевой архитектуре «Новой Большой игры».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Аватков В.А., Ерманалиева А.Р.** Казахстан как центр столкновения интересов глобальных игроков на постсоветском пространстве: России, Китая, США и Турции // *Постсоветские исследования*. 2024. Т. 7. № 1.
2. **Беляев А.В.** Новая Большая игра: происхождение, эволюция термина и гиперреальность в глобальной политике конца XX – начала XXI века // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2024. № 2.
3. **Дегоев В.В.** Где и когда началась «Большая игра»? // *Россия в глобальной политике*. 2025. Т. 23. № 1(131).
4. **Примаков Е.М.** Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: РОССПЭН, 2009.
5. **Тренин Д.В.** *Post-Imperium: евразийская история*. М.: РОССПЭН, 2012.
6. **Эйриян В.А.** Шушинская декларация: стратегия развития тюркского мира и национальные интересы России // *Россия XXI*. 2025. № 1.
7. **Allison G.** *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.
8. **Brzezinski Z.** *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. New York: Basic Books, 1998.
9. **Buzan B., Wæver O.** *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
10. **Frankopan P.** *The Silk Roads: A New History of the World*. London: Bloomsbury, 2015.
11. **Hopkirk P.** *The Great Game: On Secret Service in High Asia*. London: John Murray, 1990.
12. **Ikenberry G.J.** *Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. Princeton: Princeton University Press, 2011.
13. **Keohane R.O., Nye J.S.** *Power and Interdependence*. Boston: Longman, 2012.
14. **Kennedy P.** *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. New York: Random House, 1987.
15. **Kissinger H.** *World Order*. New York: Penguin Press, 2014.
16. **Luttwak E.N.** From Geopolitics to Geo-Economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce // *The National Interest*. 1990. No. 20.
17. **Mackinder H.J.** The Geographical Pivot of History // *The Geographical Journal*. 1904. Vol. 23. No. 4.
18. **Mahan A.T.** *The Influence of Sea Power upon History, 1660-1783*. Boston: Little, Brown and Company, 1890.

19. **Mearsheimer J.J.** The Tragedy of Great Power Politics. New York: W. W. Norton, 2001.
20. **Meyer K.E., Brysac S.B.** Tournament of Shadows: The Great Game and the Race for Empire in Central Asia. Washington, D.C.: Counterpoint, 1999.
21. **Nye J.S.** Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs, 2004.
22. **Said E.W.** Orientalism. New York: Pantheon Books, 1978.
23. **Waltz K.N.** Theory of International Politics. Reading, MA: Addison-Wesley, 1979.
24. **Yergin D.** The New Map: Energy, Climate, and the Clash of Nations. New York: Penguin Press, 2020.

A.M. RASHEVSKII

Lecturer at the Department of Law
in the «Association of Olympiad Winners»,
Moscow, Russia

THE «GREAT GAME» AS A MODEL OF RUSSIA-WEST RELATIONS

The metaphor of the «Great Game», originally used to describe the Anglo-Russian rivalry of the 19th and early 20th centuries, is being actively reinterpreted in contemporary political and publicist literature concerning relations between Russia and the collective West after the Cold War. However, its potential remains limited due to the lack of clear parameters for its application and the ambiguity of its geographical and thematic boundaries. This article proposes a remodeling of the metaphor: it formalizes a set of characteristics of the «New Great Game» as a multi-component hybrid confrontation, clarifies its key factors (geopolitical, ideological, economic), and provides a comparative historical analysis of the transition from the classical to the modern configuration of the phenomenon. It is demonstrated that the «Great Game» as a model remains relevant under three conditions: a clear delineation of interaction levels, recognition of the multi-actor and network nature of interactions, and an explicit consideration of the hybrid nature of conflicts.

Key words: Great Game, New Great Game, geopolitics, hybrid conflict, ideology, geoeconomics, Central Asia, Black Sea, Eastern Europe.